

Эльвира Чагина

Холодец

с итальянским акцентом

Эльвира Чагина

Холодец с итальянским акцентом

«Автор»

2026

Чагина Э.

Холодец с итальянским акцентом / Э. Чагина — «Автор», 2026

В каждой семье есть истории, которые вспоминают за общим столом: про внезапный приезд тёти, праздничные хлопоты, кулинарные подвиги и разговоры, в которых никто никого не слушает — зато все друг друга любят. Этот сборник — о родных людях и смешных недоразумениях, из которых складывается семейная жизнь. Здесь можно от души посмеяться, узнать в героях своих близких, а потом позвонить им и спросить: «Помнишь, как у нас однажды было?..»

© Чагина Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эльвира Чагина

Холодец с итальянским акцентом

Глава 1

Холодец с итальянским акцентом. Сегодня у нас был сумасшедший день: приезжала моя тётка из Италии, Элеонора Кузьминична. Ударить в грязь лицом было никак нельзя, поэтому с утра вся семья панически наводила порядки, судорожно сочиняла меню и крутила букли. Букли, правда, крутили не все, а только мама и моя сестра Вика, но с таким выражением лица, будто на этих буклях держится международный престиж нашей семьи.

— Петька! — заорал я, попав ногой в ведро и, судорожно пытаюсь вылезти из него, опрокинул его, расплескав воду по свежевывытому полу.

— Петька, ты где?!

Петька, как и положено младшему брату в минуты общей катастрофы, обнаружился в самом бесполезном месте — под столом. Он сидел там с батоном и ел его так сосредоточенно, будто выполнял важное государственное задание.

— Я здесь, — глухо отозвался он.

— Меня просили не мешаться.

— Кто просил?

— Все. В этом была горькая правда. Мама металась между кухней и зеркалом, одновременно взбивая что-то венчиком и свои волосы — расческой.

— Только бы всё было прилично, — бормотала она.

— Она всё-таки из Италии. Там у них вкус, стиль, культура, паста...

— У нас тоже паста, — сказал папа, заглядывая в кастрюлю с макаронами.

— Правда, вчерашняя, но зато своя

. Папа с утра репетировал встречу на итальянском. Весь его словарный запас состоял из трёх слов: «бонжорно», «грации» и «пицца». Пользовался он ими широко и без страха.

— Главное — уверенность, — сказал он, поправляя галстук с утками.

— Итальянцы уважают уверенных. Бабушка, как человек старой школы, ко всей этой международной тревоге относилась с некоторым подозрением.

— Что вы все с ума посходили? — говорила она, энергично рубя зелень так, будто это и была сама заграница.

— Подумаешь, Италия. Человек она или макаронина? Поставим холодец, селёдку под шубой, и сразу поймёт, где настоящая цивилизация. Но мама была непреклонна.

— Никакого холодца! — шептала она так грозно, что шёпот звучал страшнее крика.

— Я сделаю лазанью.

— Из чего? — осторожно спросил папа.

— Пока не знаю, — призналась мама.

— Но духовно я уже почти в Неаполе. На столе лежал листок с меню, исписанный нервным почерком: «Брускетта?», «Тирамису???», «Что едят в Тоскане быстро и из картошки?»

Вика, накручивая третью прядь, презрительно фыркнула: — Надо было хотя бы базилик купить. Без базилика вся Италия развалится.

— Я купил, — гордо сказал папа.

— Это укроп, — сказала Вика. На этом месте папа заметно сник и ушёл тренировать «бонжорно» в прихожую. К одиннадцати часам квартира уже выглядела так, будто её готовили не к приезду родственницы, а к инспекции ООН. Даже кот Федя был вычёсан до такого блеска,

что опасно отражал солнечный свет. Сам Федя был глубоко оскорблён и сидел на шкафу с видом аристократа в изгнании.

Петьке поручили важнейшую задачу — не трогать тирамису, которое мама соорудила из печенья, сметаны и такой веры в успех, что даже страшно было смотреть. Петька кивнул, как честный человек, и через пять минут у него на губе уже была подозрительная полоска крема. — Это зубная паста, — сказал он. — Шоколадная? — мрачно спросил я. — Сейчас всё бывает, — ответил Петька и ушёл под стол доедать правду.

К двум часам напряжение достигло высшей точки. Мама трижды переоделась. Папа разлил на себя одеколон в количестве, достаточном для дезинфекции небольшого подъезда. Бабушка всё-таки тайно поставила в холодильник холодец, прикрыв его салфеткой, словно контрабанду. И тут раздался звонок в дверь. Все застыли. Даже Федя перестал вылизывать своё возмущение. Папа выпрямился, выдохнул и торжественно распахнул дверь. На пороге стояла Элеонора Кузьминична.

Мы ожидали увидеть нечто итальянское, воздушное, возможно, в шляпе и тёмных очках, с тонким ароматом дорогих духов и лёгким презрением к нашей вешалке в коридоре. Но тётка оказалась женщиной круглой, румяной, в ярко-красном пальто, с тремя сумками, авоськой, каким-то длинным пакетом и таким голосом, что соседская дверь тоже приоткрылась от любопытства.

— Родные мои! — крикнула она и немедленно обняла сначала папу, потом маму, потом меня, потом, по ошибке, вешалку.

— Мадонна, как я соскучилась!

— Бонжорно, — с достоинством сказал папа.

— И тебе бонжорно, Алёшенька, — радостно ответила тётка.

— А чего ты такой душистый? Тебя в духи уронили? Мы сразу почувствовали, что напряжение начало таять.

— Элеонора Кузьминична, проходите, — засуетилась мама.

— Мы так готовились! У нас и лазанья, и брускетта, и тирамису...

— Господи, зачем? — всплеснула руками тётка.

— Я из Италии приехала. Я там этой лазаньи объелась по самые серёжки. Есть у вас нормальная человеческая картошка? Из кухни, будто специально дожидаясь этой реплики, величественно выплыла бабушка.

— Есть, — сказала она. — И не только картошка. Я никогда не видел, чтобы два человека так быстро и искренне полюбили друг друга. Через пять минут бабушка и тётка уже стояли у холодильника и обсуждали, почему итальянцы зря недооценивают солёные огурцы.

— У нас, — говорила тётка, стаскивая перчатки, — как скажешь в Италии «холодец», так они смотрят, будто ты предлагаешь есть люстру. А между прочим, культурные люди! Папа, прибодрившись, понёс её чемодан. Чемодан оказался неожиданно тяжёлым и звенящим.

— Что там? — крикнул он. — Подарки, — гордо сказала тётка. — Масло оливковое, макароны, сыр, кофеварка, две банки соуса, один подсвечник и шесть килограммов того, что на таможне я назвала сувениры.

— Шесть килограммов сувениров? — уважительно переспросил я.

— Семья у нас большая, — подмигнула тётка.

— А я женщина предусмотрительная.

Потом она оглядела стол, на котором мама выстроила всё лучшее сразу, и неожиданно расхохоталась.

— Ой, не могу! Вы как будто папу римского ждёте, а не меня. Да у меня дома в Генуе вечный творческий беспорядок. Если я там начинаю искать вторую серёжку, нахожу обычно кастрюлю. Мама посмотрела на неё с таким облегчением, что, кажется, в этот момент простила Италии всё — и пасту, и базилик, и невнятное тирамису. Сели за стол. Лазанья, если честно,

получилась тревожная. Она держалась достойно, но только пока на неё не смотрели слишком внимательно. Зато жареная картошка бабушки исчезла первой. Тётка ела с таким аппетитом, что сама еда начинала собой гордиться.

— Вот это вещь! — говорила она.

— Вот это я понимаю. А что у вас за чудо-мальчик? Она показала на Петьку, который сидел необычайно тихо, потому что прятал под столом второй кусок тирамису.

— Это Петька, — сказал я.

— Он у нас перспективный.

— А-а, — кивнула тётка.

— По глазам вижу: может стать либо великим человеком, либо директором рынка. Петька решил, что это комплимент, и полез к ней обниматься. После обеда тётка открыла чемодан, и начался настоящий фестиваль. Папе достался галстук «как у итальянского профессора», маме — шёлковый платок, который она немедленно накинула на плечи и помолодела лет на десять. Вике — духи и маленькое зеркальце. Бабушке — кофейная чашка с лимонами.

— А мне? — немедленно спросил Петька.

— Тебе, — сказала тётка, торжественно извлекая из сумки коробку, — настоящие итальянские конфеты. Петька прижал коробку к груди и спросил с практической тревогой: — А настоящие русские можно тоже? Тётка хохотала так, что у неё запотели очки. К вечеру мы уже сидели на кухне совершенно по-домашнему. Папа рассказывал, как однажды пытался вырастить на даче артишок и случайно вырастил лопух. Мама перестала поправлять салфетки и даже съела кусок собственного тирамису, что было признаком полного душевного выздоровления. Бабушка и тётка обсуждали, можно ли добавить в ризотто гречку «чисто из принципа».

— Можно всё, — говорила тётка.

— Главное — делать вид, что так и задумано. Это вообще секрет хорошей кухни и счастливой жизни.

— И счастливой семьи, — добавил папа.

— А это у вас и без секрета видно, — мягко сказала тётка. Стало тихо-тихо. Даже Федя спустился со шкафа и великодушно позволил Элеоноре Кузьминичне себя погладить. Она почесала его за ухом и сказала:

— Вот ты, кот, правильно живёшь. Где любят — там и Италия. И тут из-под стола донеслось подозрительное звяканье. Все посмотрели вниз. Петька, решив, видимо, внести свой вклад в международный обмен культур, открыл чемодан с сувенирами и уже успел надкусить кусок пармезана размером с кирпич.

— Я только попробовать, — виновато сказал он. Тётка посмотрела на него, потом на сыр, потом махнула рукой: — Ну и правильно. Семья не та, где всё идеально. Семья — это где на третий час приезда кто-то уже ест твой пармезан без разрешения. — Тогда у нас очень крепкая семья, — сказал папа. И мы все так засмеялись, что мама чуть не опрокинула чайник, бабушка вытерла слёзы уголком фартука, а Петька, вдохновлённый всеобщим одобрением, торжественно откусил ещё кусочек — уже совсем как человек международного уровня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.